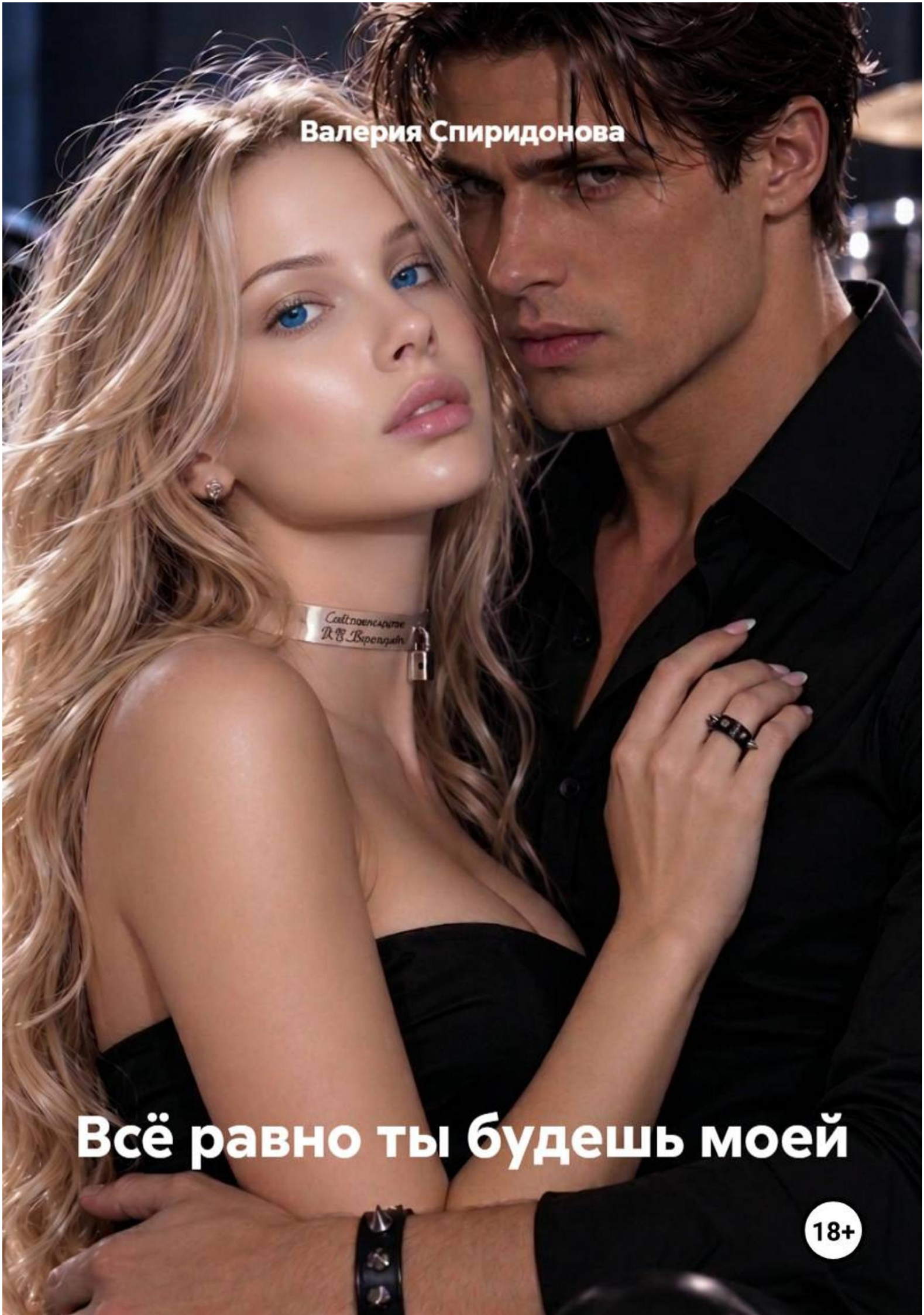

Валерия Спиридонова
Всё равно ты будешь моей
18+

Валерия Спиридонова

Всё равно ты будешь моей

«Автор»
2026

Спиридонова В. А.

Всё равно ты будешь моей / В. А. Спиридонова — «Автор», 2026

Всё равно ты будешь моейНастя Белова не подозревала, насколько сильно один человек способен изменить её жизнь.Слава Воронцов — тридцатидвухлетний барабанщик, мужчина с сильным характером, который привык добиваться своего. Когда в его жизни появляется Настя, между ними возникает притяжение, способное перерасти в нечто большее.Страсть, ревность, одержимость и желание быть рядом любой ценой переплетаются в истории двух людей, которым предстоит пройти через непростые испытания.Настя становится женой Славы и получает новую фамилию — Воронцова. Но что ждёт её в браке с мужчиной, который не привык отступать от своих желаний?Где заканчивается любовь и начинается желание владеть другим человеком?«Всё равно ты будешь моей» — история о любви, одержимости и тонкой грани между сильными чувствами и желанием обладать человеком.18+. В книге присутствуют темы сталкинга и сложных отношений. Их путь.

© Спиридонова В. А., 2026
© Автор, 2026

Валерия Спиридонова
Всё равно ты будешь моей

Вячеслав никогда не верил в судьбу, он верил в ритм. В жесткий, агрессивный, бьющий по барабанным перепонкам до боли ритм. Каждое его движение за установкой было просчитано до миллисекунды, каждый удар палочек выбивал из толпы в клубе дикие, первобытные крики. В свои тридцать два года он имел все: славу, деньги, признание в рок-индустрии и бесконечную вереницу фанаток, готовых на все ради одной ночи с ним. Гладко выбритый, в идеально сидящих черных брюках, подчеркивающих его крепкую, атлетичную фигуру, он выглядел безупречно, холодно и опасно. На его запястье тускло блестел кожаный браслет с острыми металлическими шипами — символ его колючего, неприступного характера. Но в тот вечер на концерте его идеальный ритм сбился. Он заметил ее в третьем ряду у самой сцены. Настя выделялась среди толпы, как яркая вспышка среди глухой темноты. Солнечно-светлые, длинные волосы каскадом спускались по ее хрупким плечам, буквально светясь под лучами прожекторов. Огромные голубые глаза смотрели на него с легким испугом, но в то же время с такой завороженностью, что Вячеслав на секунду забыл, как дышать. Ей было двадцать пять. Она была стройненькой, тонкой, похожей на хрупкую фарфоровую статуэтку, которую хотелось либо спрятать от всего мира, либо сжать в руках до хруста. Их взгляды встретились. Пальцы Вячеслава, сжимающие барабанные палочки, побелели от напряжения. Металлические шипы браслета слегка врезались в кожу, возвращая его к реальности, но внутри него уже разгорался пожар. В эту секунду он понял: эта девчонка будет его. Любой ценой. После концерта Настя поспешила уйти, пытаясь раствориться в душном ночном городе. Но Вячеслав уже шел по ее следу. Это не было обычным интересом — это был сталкинг, перерастающий в манию. В течение следующих нескольких дней он изучил каждый ее шаг, узнал маршрут от работы до дома, время, когда она покупает кофе, и улицы, по которым ходит. Ему было мало просто смотреть на нее издалека. Внутри него клокотал собственнический инстинкт. Все случилось на исходе недели в темном, безлюдном переулке. Настя возвращалась поздно. Шаг Вячеслава был бесшумным, а нападение — молниеносным. Когда сильные, жесткие руки обхватили ее сзади, Настя успела лишь вскрикнуть, но его широкая ладонь тут же накрыла ее рот.

— Тихо, маленькая. Теперь ты со мной, — прошептал он ей на ухо.

Игнорируя ее отчаянные попытки вырваться, удары маленьких кулачков и глухие слезы, он затащил ее в машину. Настя умоляла отпустить ее, плакала, обещала, что ничего никому не расскажет. Но Вячеслав лишь сильнее сжимал руль, его лицо оставалось каменным. Ему было абсолютно все равно на ее протесты. В его голове уже был четкий план.

Настя пришла в себя в просторной, погруженной в полумрак спальне загородного дома Вячеслава. Первое, что она услышала — это резкий, металлический звон. Попытавшись поднять руки, она с ужасом обнаружила, что ее запястья скованы тяжелыми стальными наручниками, цепь от которых тянулась к массивному кованому изголовью огромной кровати. Страх сковал ее горло. Она была заперта, отрезана от мира, полностью во власти человека, которого видела только на сцене. Дверь спальни медленно отворилась, и в комнату вошел Вячеслав. На нем были все те же черные брюки, а на руке хищно поблескивал шипованный браслет. Он нес поднос с едой, на который Настя даже не взглянула. Ее сердце бешено колотилось в груди.

— Отпусти меня! Зачем ты это делаешь?! Пожалуйста, Вячеслав, у тебя же тысячи фанаток, оставь меня в покое! — сорвавшись на крик, умоляла она, а слезы градом катились по ее бледным щекам.

Вячеслав молча поставил поднос на тумбочку и подошел ближе. Его темные волосы слегка растрепались, а в глазах горел фанатичный, темный огонь одержимости. Он сел на край

постели, мгновенно лишая ее личного пространства. Настя попыталась отползти, но цепь натянулась, удерживая ее на месте.

— Мне плевать на фанаток. Мне нужна только ты, — его голос был низким, бархатным, лишенным каких-либо сомнений.

В ту же секунду он резко подался вперед, перехватывая ее за талию и прижимая к своему горячему, сильному телу. Настя закричала, забилась в его руках, пытаясь ударить его скованными запястьями, но Вячеслав даже не поморщился. Насильно, жестко и по-хозяйски он зафиксировал ее хрупкую фигуру, сминая ее сопротивление. Его большая ладонь грубо обхватила ее бедро, привязывая к себе, не давая сделать даже вдоха без его воли. Он наклонился и впился в ее губы жестким, требовательным поцелуем, от которого у нее перехватило дыхание. Настя плакала, просила пощады, но его это только сильнее заводило. Он тискал ее, подчинял себе каждую клеточку ее тела, нагло беря то, что посчитал своим.

— Проси, умоляй, беги — мне все равно, — прошептал Вячеслав, оторвавшись от ее губ и тяжело дыша ей в шею.

— Я все равно тебя поймаю и верну обратно. Всё равно ты будешь моей. Навсегда.

Настя дрожала под его тяжелым телом, изнемогая от страха и бессилия. Но где-то глубоко в подсознании, среди ужаса и слез, его безумная, пугающая преданность и дикая страсть начинали пускать первые корни. Ее разум отчаянно сопротивлялся, но тело против воли начинало запоминать этот жесткий, сумасшедший ритм Вячеслава Воронцова.

Улучить момент оказаться на свободе было непросто, но Насте повезло. Вячеслав ненадолго ослабил замок на наручниках, когда принес ей чистую одежду и отошел в свой рабочий кабинет на первом этаже. Сердце девушки готово было выпрыгнуть из груди. Тонкие пальцы, измазанные в мыле, с трудом, преодолевая боль, выскользнули из стального плена. Не думая о последствиях, Настя бросилась к окну. Распахнув створку, она спрыгнула со второго этажа на козырек террасы, а оттуда — на сырую землю сада. В одних носках и легком платье, она бежала сквозь лесную чащу, окружавшую его особняк. Ветви царапали лицо, легкие горели, но страх гнал ее вперед. Она почти поверила в свое спасение, когда позади раздался тяжелый, уверенный шаг. Хруст ветки — и сильная рука Вячеслава намертво обхватила ее за талию, сбивая с ног прямо на пожухлую траву. Настя закричала, впиваясь ногтями в его запястья, но он навалился сверху всем своим весом, намертво вжимая ее в землю. Его темные волосы были растрепаны ветром, глаза горели опасным, звериным блеском, а шипы на браслете больно врезались в ее плечо. Гладко выбритые челюсти были сжаты от ярости. Вячеслав тяжело дышал, удерживая ее руки над головой одной ладонью.

— Думала, сможешь сбежать от меня? — прорычал он, и его голос вибрировал от бешеного гнева.

— Я предупреждал тебя, Настя. Если ты еще раз дернешься, я запру тебя в подвале, где ты вообще солнца не увидишь! Ты отсюда только в гробу выйдешь, поняла меня?!

Настя рыдала, задыхаясь от слез, ее хрупкое тело била крупная дрожь.

— Отпусти... пожалуйста... не надо, Вячеслав! — умоляла она, отворачивая лицо.

Но ее слабость и запах ее светлых волос, растрепавшихся по земле, окончательно сорвали с него тормоза. Вячеслав грубо перехватил ее подбородок, заставляя смотреть на себя, и впился в ее губы жестоким, карающим поцелуем. Это не было лаской — он забирал ее дыхание, подчинял, кусал до крови, демонстрируя абсолютную власть. Настя отчаянно мычала, пытаясь вырваться, но он уже рвал ткань ее легкого платья на груди, намереваясь взять ее прямо здесь, на сырой земле, силой выжечь в ней любое желание сопротивляться. Его ладонь грубо и властно скользнула по ее бедру вверх, сминая ткань и прижимая ее таз к себе. Настя плакала навзрыд, чувствуя, как его безумная, животная страсть ломает ее последнюю защиту, балансируя на грани полного насилия. Вячеслав замер на секунду, глядя на ее беззащитные голубые глаза, полные первобытного ужаса и... странной, зарождающейся покорности. Он сжал зубы,

тяжело дыша, но все же резко поднял ее на руки, прижимая к своей груди, и понес обратно в дом. Она была сломлена, а он был готов на всё, чтобы удержать ее.

Шли дни, превращаясь в один бесконечный, изматывающий кошмар. Вячеслав не отходил от Насти ни на шаг, окружая ее своей удушающей, безумной заботой. Он приносил ей изысканную еду, осыпал подарками и шелковыми вещами, но за всем этим скрывался стальной контроль. Каждую ночь и каждый день он настойчиво пытался завоевать ее, целовал, ласкал ее хрупкое тело и одержимо умолял:

— Полюби меня, Настя. Ну же, скажи, что любишь... Посмотри на меня, я ведь всё для тебя сделаю.

Но она только содрогалась от отвращения и страха, отчаянно упираясь ладонями в его грудь и отворачивая лицо от его горячих губ. Ее сопротивление сводило его с ума, выбивая из привычного ритма. В один из вечеров, когда Настя в очередной раз оттолкнула его, Вячеслав окончательно потерял контроль. Его лицо исказилось от ярости, темные волосы растрепались. Он резко опрокинул ее на подушки и его большая, жесткая ладонь мертвой хваткой сомкнулась на ее тонкой шее. Вячеслав слегка сжал пальцы, перекрывая ей кислород. Настя широко распахнула голубые глаза, задыхаясь, судорожно хватая ртом воздух и цепляясь за его руку с шипованным браслетом.

— Ты будешь любить меня, слышишь? — прорычал он сверху, глядя на ее бледнеющее лицо.

Он отпустил ее шею, давая сделать судорожный вдох, и тут же грубо, наотмашь впился в ее губы жестоким, удушающим поцелуем. Насильно, не обращая внимания на ее глухие рыдания и мольбы, он сорвал с нее одежду. Это было полное, сокрушительное подчинение. Он взял ее тело жестко, по-хозяйски выжигая свою власть на ее коже.

— Всё равно ты будешь моей. Моей и ничьей больше, — хрипел он в беспамятстве.

Когда все закончилось и Вячеслав, уверенный в ее полной покорности, потерял бдительность, оставив дверь спальни незапертой, Настя решилась на отчаянный шаг. Страх сменился холодной решимостью. Ей нужно было перехитрить этого монстра. Утром, когда он вошел в комнату, она не стала сжиматься в комок. Настя заставила себя улыбнуться, хотя внутри все дрожало от омерзения. Она мягко посмотрела на него своими огромными голубыми глазами и тихо, глядя прямо в его темный, настороженный взгляд, произнесла:

— Вячеслав... я поняла. Ты прав. Я... кажется, я тоже люблю тебя. Мне больше некому доверять.

Его суровое лицо на мгновение разгладилось, в глазах вспыхнуло торжество. Он поверил. Ослабив контроль, он позволил ей свободно ходить по первому этажу дома. И как только Вячеслав отвернулся, Настя бросилась к черному ходу и со всех ног побежала прочь, в сторону шоссе. Но обвести Вячеслава Воронцова вокруг пальца было невозможно. Она успела добежать лишь до опушки леса, когда тяжелые шаги за спиной заставили ее обернуться. Вячеслав настиг ее мгновенно. Он сбил ее с ног, заставляя упасть на колени, и жестко схватил сзади за волосы, запрокидывая ее голову назад. Его лицо было бледным от бешеного, леденящего кровь гнева.

— Ты решила поиграть со мной, дрянь? — прошипел он прямо ей в лицо, и его пальцы сильнее впились в ее светлые пряди.

— Решила обмануть меня? Бросить?! Слушай меня сюда. Если ты еще хоть раз попытаешься соврать мне или сбежать, я не посмотрю на то, как сильно тебя люблю. Я сверну тебе шею прямо здесь. Ты меня поняла?!

Настя разрыдалась от неописуемого, дикого ужаса. Сила его хватки и безумие в глазах не оставляли сомнений — он сделает это. Каждая клеточка ее стройного тела затрепетала.

— Да... да, хорошо! Я не буду, обещаю, не буду! Пожалуйста, пощади! — захлебываясь слезами, закричала она.

Этот первобытный, чистый страх в ее глазах, смешанный с полной покорностью, подействовал на него как самый мощный наркотик. Вячеслав глухо зарычал и, вместо того чтобы отпустить, страшно и страстно впился в ее губы. Он мучил ее этим поцелуем, заставляя задыхаться, грубо тискал ее на сырой земле, клеймя как свою абсолютную, вечную собственность. Он наказывал ее и одновременно сходил с ума от страсти, утаскивая Настю на самое дно их общего безумия.

После того случая на опушке леса реальность Насти сузилась до размеров его спальни. Слова Вячеслава о сломанной шее мертвым грузом осели в ее голове. Он не блефовал, она видела это в его потемневших, безумных глазах. Теперь, когда цепь наручников снова была застегнута на ее запястье, Настя боялась даже пошевелиться. Она лежала на шелковых простынях, сжавшись в комок, и прислушивалась к каждому звуку за дверью. Любой шорох, каждый тяжелый шаг в коридоре заставлял ее стройное тело вздрагивать от накатывающего ужаса. Она физически боялась дышать слишком громко, чтобы не спровоцировать новый приступ его ярости. Вячеслав вошел ближе к вечеру. Безмолвный, гладко выбритый, в своих неизменных черных брюках. На его руке по-прежнему хищно топорщились шипы браслета. Он присел на край кровати и молча потянул руку к ее лицу. Настя инстинктивно зажмурилась и вжала голову в подушку, ожидая удара или удушения. Сердце в груди забилось как сумасшедшее. Но Вячеслав лишь аккуратно заправил прядь ее солнечно-светлых волос за ушко. Его пальцы были неожиданно теплыми и нежными.

— Боишься меня, маленькая? — тихо, с какой-то мрачной удовлетворенностью спросил он, глядя на ее дрожащие ресницы.

— Это хорошо. Страх делает тебя послушной.

Он лег рядом, собственнически притягивая ее к себе со спины. Его сильные руки обвили ее талию, намертво фиксируя хрупкое тело Насти против ее воли. Он уткнулся лицом в ее шею, вдыхая ее запах, и начал медленно, но настойчиво тискать ее, оглаживая ладонями бедра и живот. Настя не сопротивлялась. Она лежала неподвижно, как фарфоровая кукла, боясь издать хоть звук, но ее сердце колотилось так сильно, что Вячеслав чувствовал этот ритм спиной. И именно в этой гробовой тишине, под давлением его тяжелого, горячего тела, в ее разуме начался необратимый сдвиг. Настя с ужасом поймала себя на мысли, что это удушающее, пугающее объятие Вячеслава... дарило ей странное, извращенное чувство безопасности. Он был ее мучителем, угрожал ее жизни, но в то же время он был единственным человеком в этом доме, от чьей воли и настроения теперь зависело всё ее существование. Защита разума рушилась. Одержимость Вячеслава, его нежелание отпускать ее ни на секунду и этот постоянный животный страх начали перерастать внутри Насти в болезненную, глубокую привязанность, из которой уже невозможно было выбраться.

Днем Вячеслав уехал на репетицию, оставив Настю прикованной к изголовью кровати. Впервые за долгое время в огромном загородном доме воцарилась абсолютная, звенящая тишина. Никаких тяжелых шагов, никакого обжигающего взгляда темных глаз и удушающих объятий. Настя должна была радоваться этой передышке, но вместо облегчения ее охватила необъяснимая, липкая тревога. Комната казалась слишком холодной без его присутствия. Она ловила себя на том, что то и дело переводит взгляд на дверь, прислушиваясь к шуму подъезжающей машины. Одиночество пугало ее сильнее, чем его присутствие. Разрушенный страхом разум отказывался функционировать нормально: Настя начала неосознанно, болезненно тянуться к своему мучителю, испытывая фантомную потребность в его жестких руках. Вячеслав вернулся поздно вечером. Гладко выбритый, в своих неизменных черных брюках, он вошел в спальню, и комната мгновенно заполнилась его мощной, подавляющей энергетикой. На его руке тускло блеснули шипы браслета, когда он снял куртку и бросил ее на кресло. Вячеслав подошел к постели, сел рядом и сверху вниз посмотрел на бледное лицо Насти.

— Ну что, маленькая моя? — его голос прозвучал низко и устало, но в нем по-прежнему сквозила опасная страсть.

— Так и будешь меня не любить? До каких пор это будет продолжаться?

Настя ничего не ответила. Она молчала, просто глядя на него своими огромными голубыми глазами, в которых страх теперь мешался со странным, гипнотическим оцепенением. В этом взгляде больше не было прежней яростной ненависти или желания ударить. Только глубокое, бездонное подчинение. Вячеслав истолковал ее молчание по-своему. В его глазах вспыхнул темный, нетерпеливый огонь. Медленно, не сводя с нее гипнотизирующего взгляда, он расстегнул и сбросил черные брюки, оставаясь полностью обнаженным. Затем его большие, мозолистые от барабанных палочек руки легли на ткань ее легкого платья. Он уверенно и аккуратно раздел ее, освобождая ее хрупкое, стройное тело от лишней одежды. Металл наручников тихо звякнул, когда Настя слегка приподняла руки, позволяя ему сделать это. Вячеслав навалился сверху, прижимая ее к матрасу своим тяжелым, горячим телом. Он не стал угрожать или кричать. Вместо этого он начал покрывать ее лицо, шею и плечи непрерывными, глубокими и властными поцелуями. Его губы обжигали кожу, заставляя Настю замереть. Он целовал ее так, чтобы полностью лишить воли к сопротивлению, подчиняя себе ее дыхание и мысли. Тем временем, удерживая ее бедра своими сильными руками, Вячеслав медленно и плавно вошел в нее. Настя вздрогнула, из ее груди вырвался тихий вздох, но она не сдвинулась с места. Она не сопротивлялась. Ее пальцы судорожно сжались на простыне, а простые движения Вячеслава, его безумный, собственнический ритм окончательно затопили ее сознание. В этой интимной тишине спальни Стокгольмский синдром окончательно замкнул свою ловушку: ее тело принимало его насилие как единственную форму любви, а разум сдавался под натиском его абсолютной одержимости.

Утром Вячеслав, заметив ее полную покорность, решил пойти на риск. Он подошел к кровати и с сухим щелчком снял с запястий Насти наручники.

— Я хочу верить тебе, маленькая, — тихо сказал он, вглядываясь в ее голубые глаза, после чего лег обратно и прикрыл глаза, делая вид, что крепко засыпает.

На самом деле его чуткий слух ловил каждое движение. Настя долго лежала неподвижно. Но инстинкт свободы оказался сильнее зарождающейся привязанности. Убедившись, что его дыхание стало ровным, она потихоньку встала с постели. Ее взгляд упал на тумбочку, где лежала связка ключей. Сердце бешено заколотилось. Она бесшумно схватила ключи на цыпочках прокралась к массивной входной двери дома. Пальцы дрожали, металл противно звякал. Настя пыталась запереть его внутри, судорожно вставляя ключ в замочную скважину, но от страха и спешки замок никак не поддавался. Она возилась с ключами, хныча от бессилия, как вдруг за ее спиной раздался тихий, леденящий душу смешок. Вячеслав уже давно стоял сзади. Гладко выбритый, в своих черных брюках, со скрещенными на груди руками, он терпеливо ждал, пока она закончит свою тщетную попытку. Настя замерла, боясь обернуться, а по ее спине пробежал дикий, первобытный страх.

— Ну что, не получилось открыть замок, да? — вкрадчиво спросил он, сделав шаг вперед.

От ужаса Настя закричала, бросила ключи и, проскочив мимо него, вылетела во двор. Она бегала по огромному огороженному двору, петляя между деревьями. Вячеслав настигал ее, его тяжелые шаги звучали совсем рядом. Настигнув ее у забора, он попытался перехватить ее за талию, но Настя из последних сил оттолкнула его, рванувшись вглубь сада. Она бежала, не чуя ног, пока не запыхалась. Оглянувшись во все стороны, девушка поняла, что вокруг никого нет. В тишине двора его силуэт исчез. Сердце Насти забилось от безумной, внезапной радости — неужели она наконец-то сбежала?! Она сделала шаг вперед, собираясь дойти до ворот, как вдруг прямо за ее спиной раздался вкрадчивый, издевательский шепот:

— Ку-ку.

Настя вскрикнула от неожиданности и упала на траву. От дикого страха она начала пятиться назад, перебирая руками и ногами по земле, пытаясь отползти от него, пока Вячеслав медленно надвигался на нее, как хищник на загнанную добычу. Он легко поймал ее, вздернул на руки и, несмотря на все ее слезы, понес обратно в спальню. Снова приковав ее к кровати, Вячеслав тяжело опустился рядом. Его лицо выражало глубокую, мрачную усталость и разочарование.

— Когда же ты наконец-то полюбишь меня? — с горечью спросил он, глядя на ее заплаканное лицо.

— Ты наказана, Настя. Ты вообще теперь не выйдешь отсюда без моего приказа.

Она плакала, уткнувшись в подушку, пока силы окончательно не покинули ее, и она не провалилась в глубокий, изматывающий сон. Вячеслав долго сидел рядом, слушая ее прерывистое дыхание. Его гнев утих, уступив место безграничной, почти болезненной нежности. Он вздохнул и аккуратно, стараясь не разбудить, снова освободил ее хрупкие руки от наручников. Вячеслав лег рядом, бережно притянул ее к своему телу и начал медленно, бережно гладить ее солнечно-светлые длинные волосы.

— Девочка моя... — едва слышно прошептал он в темноту комнаты.

— Как же я мечтал, чтобы ты была со мной. Чтобы ты просто была моей...

Он уткнулся носом в ее шею и наконец уснул, крепко и защищающе обняв свою спящую пленницу.

Утреннее солнце робко пробивалось сквозь тяжелые шторы спальни, заливая комнату мягким, золотистым светом. Настя медленно открывала глаза, еще цепляясь за остатки тяжелого сна. Первое, что она почувствовала — это удивительную легкость в теле. Инстинктивно пошевелив руками, она не услышала привычного, раздражающего слух звона стальной цепи. Запястья были свободны. Наручники лежали на прикроватной тумбочке, тускло поблескивая в лучах солнца. Но уйти она все равно не могла. Вячеслав лежал рядом, крепко прижимая ее к своему горячему телу. Его сильная рука собственнически покоилась на ее талии, намертво фиксируя хрупкую фигуру девушки. Его дыхание — ровное, глубокое — опаляло ее шею. В спящем рок-музыканте не было той пугающей, первобытной агрессии, с которой он преследовал ее ночью во дворе. Гладко выбритый, с растрепавшимися по подушке темными волосами, он казался сейчас почти уязвимым. Браслет с шипами лежал рядом с часами на комоде, и без этого атрибута жестокости Вячеслав выглядел просто мужчиной, который отчаянно и слепо оберегает свое главное сокровище. Настя лежала неподвижно, боясь не то что сделать шаг, а даже громко вздохнуть, чтобы не разрушить этот хрупкий момент. Но внутри нее что-то безвозвратно изменилось. Вместо привычной паники, омерзения или судорожного поиска нового плана побега, ее сердце забилось в каком-то странном, сладостном и тягучем ритме. Она поймала себя на том, что разглядывает его волевое лицо, линию подбородка, губы, которые еще несколько часов назад целовали ее до боли, наказывая за обман. Ей было дико, почти физически плохо от мысли, что этот монстр, обещавший свернуть ей шею, сейчас дарил ей такое сильное, убаюкивающее чувство тепла. Стокгольмский синдром пустил глубокие корни в ее сознании. Ей казалось, что пока она находится в этих кольцах его сильных рук, с ней ничего не случится. Мир за пределами этого загородного дома стерся, стал неважным. Настя заставила себя закрыть глаза, неосознанно и робко прижимаясь спиной ближе к его широкой груди. Она больше не хотела бежать. По крайней мере, в эту самую минуту ей хотелось, чтобы это утро длилось как можно дольше.

Вячеслав проснулся от непривычного ощущения тепла. Его внутренние часы, всегда настроенные на строгий контроль, заставили его мгновенно прийти в себя. Он не открывал глаз несколько секунд, ожидая привычного пугающего холода пустой постели или звона цепей. Но рядом было тихо. Более того, он отчетливо чувствовал, как хрупкое тело Насти, избавленное от наручников, не пыталось отползти на край кровати. Она сама, робко и беззащитно,

прижималась спиной к его широкой груди, словно искала защиты у собственного похитителя. Вячеслав медленно открыл глаза. Его темные волосы упали на лоб, а взгляд сразу же сфокусировался на золотистом водопаде ее волос, пахнущих лавандовым мылом. На его гладко выбритом лице отразилось целое смятение чувств: удивление, недоверие и следом — дикое, затапливающее душу торжество. Его маленькая кукла осталась. Она выбрала его, даже когда двери были мысленно открыты. Он осторожно, стараясь не спугнуть это хрупкое мгновение, усилил хватку на ее талии, притягивая ее к себе еще плотнее. Настя вздрогнула от его движения, ее ресницы затрепетали, и она обернулась, встречаясь с ним взглядом. В ее огромных голубых глазах больше не было того дикого, яростного отчуждения. Только покорность, смешанная с немым вопросом.

— Ты не сбежала, — хриплым от сна, низким голосом произнес Вячеслав, и в этом звуке послышалась несвойственная ему уязвимость.

Он приподнялся на локте, нависая над ней, и нежно провел ладонью по ее бледной щеке. Настя инстинктивно подалась навстречу его руке, едва заметно ластясь к ладони. Вячеслав прерывисто вздохнул. Эта перемена в ней пьянила его сильнее любого алкоголя. Он медленно наклонился и коснулся ее губ поцелуем — на этот раз не карающим, а глубоким, тягучим и полным отчаянной, накопившейся любви. Настя ответила на поцелуй, приоткрывая рот, позволяя ему забрать себя без остатка. Она больше не боролась со своей одержимостью. Теперь они оба горели в этом безумном огне.

Настя заставила себя смотреть прямо в его темные, гипнотизирующие глаза. В ее голове зрел холодный, отчаянный план.

«Если я отдамся ему сама, если перестану бороться и зацелую его до беспамятства... может, этот голодный зверь внутри него наконец насытится? Может, он остынет, потеряет интерес и оставит меня в покое?» — думала она, с трудом подавляя внутреннюю дрожь.

Это была опасная проверка, игра на его территории. Вячеслав нависал над ней, ловя каждое ее дыхание. Настя сделала глубокий вдох, медленно подняла свои свободные от оков руки и сама обвила его шею. Она потянулась вверх и первая впилась в его губы поцелуем. Это был смелый, манящий поцелуй, в который она вложила все актерское мастерство, на какое была способна. Вячеслав на секунду замер от шока, его гладко выбритые челюсти разомкнулись, но уже в следующее мгновение в его сознании будто взорвалась бомба. Ее инициатива сорвала с него последние тормоза. Настя рассчитывала на усмирение его пыла, но добилась обратного — она разожгла в нем контролируемый пожар. Весь этот бесконечный день и всю последующую глухую ночь реальность для них перестала существовать. Комната наполнилась тяжелым дыханием, скрипом кровати и стонами. Вячеслав брал ее снова и снова, с безумной, ненасытной страстью. Они занимались любовью без остановки, переворачивая друг друга, сплетаясь телами так тесно, что невозможно было понять, где кончается его кожа и начинается ее. Его сильные руки, привыкшие отбивать жесткий барабанный ритм, без устали тискали и сминали ее стройное тело. Настя, изначально планировавшая просто перетерпеть и обмануть его, сама оказалась затянута в этот изнурительный, сладостный омут 18+. Каждое его движение, каждый глубокий толчок выбивали из нее остатки здравого смысла. Когда за окном снова забрезжил рассвет, они оба лежали абсолютно обессиленные, мокрые от пота. Настя тяжело дышала, чувствуя, как каждая мышца ее хрупкого тела горит от его дикой ласки. Ее план с треском провалился: Вячеслав не отпрянул и не потерял интерес. Напротив, эта безумная ночь близости привязала его к ней еще мертвее, превращая его сталкинг в абсолютное, пожизненное рабство у ее ног.

После этой безумной ночи пути назад больше не было. Вячеслав превратился для Насти в настоящий, опасный наркотик — пугающий, разрушительный, но без которого ее тело уже начинало болезненно ломать. А она была его персональным белым порошком, его личным безумием, которое он хотел вдыхать каждую секунду, желая ее сильнее и сильнее с каждым

днем. Его одержимость не угасла, она разгорелась с новой, пугающей мощью. Вячеслав сидел на постели, нависая над ней. Его темные волосы растрепались, гладко выбритое лицо казалось суровым и сосредоточенным. Он грубо, но аккуратно перехватил ее подбородок пальцами, заставляя Настю смотреть прямо в его потемневшие глаза. Он буквально впивался взглядом в ее зрачки, выискивая там малейшие следы фальши, читал ее мимику, как открытую книгу.

— Ты не пытайся меня обмануть, Настя, — его низкий голос вибрировал от опасного напряжения.

— Я вижу по твоим глазам, что ты замышляешь. По твоей натянутой улыбке вижу... Твои глаза прямо сейчас говорят мне, что ты все еще хочешь сбежать от меня. Ты думала, твоя ласка ослепит меня?

Сердце Насти ухнуло куда-то вниз. Дикий, первобытный страх заставил ее стройное тело затрепетать. Понимая, что на кону ее жизнь, она судорожно сглотнула и, превозмогая дрожь, обвила руками его шею, заглядывая в его лицо с фальшивым, но отчаянным обожанием.

— Нет, Вячеслав... Это неправда, — уверяла она его, глотая слезы страха.

— Я не собираюсь убегать от тебя, клянусь. Я... я никогда тебя не брошу. Ты мой... любимый.

Слово «любимый» сорвалось с ее губ едва слышно, но в тишине спальни оно прозвучало как гром. Вячеслав замер. В его глазах промелькнула тень глубокого недоверия, он прищурился, продолжая сканировать ее бледное лицо. Шипы на его браслете тускло блеснули в полумраке. Он прекрасно понимал, что половина ее покорности продиктована ужасом, но ее признание — пусть и вынужденное — ударило по его собственническому эго. Он медленно выдохнул и смягчил хватку, убирая руку от ее лица.

— Поверим на слово, девочка моя, — с глухой, мрачной усмешкой произнес он.

— А сейчас давай спать.

Вячеслав лег рядом, собственнически притягивая ее хрупкое тело к своей груди и укрывая одеялом. Но через минуту он приподнял голову, глядя на ее обнаженные плечи, и в его глазах снова вспыхнул тот самый ненасытный огонь 18+. Он провел ладонью по ее бедру и хрипло прошептал ей в ухо:

— Или хочешь, продолжим?.. Я бы очень хотел взять тебя снова прямо сейчас. Но, наверное, ты слишком устала.

Настя тяжело дышала, чувствуя, как его горячее дыхание обжигает чувствительную кожу на шее. Вопрос Вячеслава застал ее врасплох. Она могла бы сказать, что смертельно устала, но пугающий блеск в его темных глазах и то, как его тяжелая ладонь собственнически сжимала ее бедро, говорили об одном: он не остановится. Его гладко выбритое лицо скользнуло ниже, и он властно прикусил мочку ее уха, заставляя Настю тихо охнуть.

— Я... я не устала, Слава, — прошептала она, окончательно сдаваясь на волю этого безумного ритма.

— Хочу тебя.

Эти слова подействовали на Воронцова как детонатор. Глухо зарычав, он резко перевернул ее на спину, подминая под себя ее хрупкое, стройное тело. На его запястье хищно звякнул браслет, когда он зафиксировал ее руки над головой, намертво вжимая ее запястья в матрас. Вячеслав грубо, без прелюдий раздвинул ее ноги своим коленом, заставляя Настю полностью открыться перед ним. Он впился в ее губы жестким, удушающим поцелуем, забирая весь воздух. Его язык нагло хозяйничал в ее рту, пока свободная рука медленно спускалась по ее телу. Его пальцы, огрубевшие от многолетней игры на барабанах, безжалостно тискали ее округлую грудь, сжимали соски, заставляя Настю выгибаться навстречу его ласкам. Под кожей девушки разливался жидкий огонь. Это был чистый, концентрированный наркотик: страх мешался с диким, животным вожделением. Вячеслав оторвался от ее губ, тяжело и прерывисто дыша ей в декольте, и без малейшего промедления, одним мощным, глубоким толчком вошел в нее на

всю длину. Настя резко вскрикнула, запрокидывая голову назад. Ее солнечно-светлые волосы разметались по темной шелковой простыне золотым облаком. Внутри нее все натянулось до предела. Он двигался в ней жестко, быстро, выбивая из нее любые мысли о побеге. Каждое движение Вячеслава было наполнено яростным, собственническим инстинктом. Он вколачивался в ее податливое тело, заставляя Настю громко, протяжно стонать, эхом отдаваясь в полумраке спальни. Она судорожно обхватила его крепкую спину ногами, впиваясь ногтями в его плечи, полностью подчиняясь этому сокрушительному ритму 18+. Вячеслав наклонился ниже, ловя ее стоны своими губами, ускоряя темп до предела. Он властно сжимал ее ягодицы, приподнимая ее таз навстречу своим резким толчкам, пока комната окончательно не растворилась в их общем, безумном экстазе. Когда мощная волна удовольствия накрыла Настю, заставляя ее внутренние мышцы судорожно сжаться вокруг него, Вячеслав со стоном сделал последний, самый глубокий толчок и излился внутрь нее, намертво клеймя ее как свою вечную и единственную женщину.

Насте снился сон. Будто она снова бежит прочь от этого проклятого особняка, петляя среди темных, безмолвных деревьев. Ветви рвали одежду, ноги утопали в грязи, но в этот раз за спиной не было слышно тяжелых, уверенных шагов Вячеслава. Никто не преследовал её. Никто не кричал из темноты издевательское «ку-ку». Она выбежала на пустынное шоссе, тяжело дыша, и оглянулась. Из лесной чащи медленно вышел Вячеслав. Его темные волосы были растрепаны, но на гладко выбритом лице больше не было безумного, фанатичного огня. Его взгляд был абсолютно пустым, холодным и равнодушным. На руке тускло блестели шипы браслета, но он даже не поднял руки, чтобы остановить её.

— Иди, — безразлично произнес он, и его низкий голос прозвучал как смертный приговор.

— Ты мне больше не нужна. У меня лопнуло терпение. Я тебя больше не люблю, Настя.

Эти слова ударили её сильнее, чем любое насилие в реальности. Внутри Насти всё рухнуло, осколки разбитого сердца вонзились в грудь. Неописуемая, дикая паника затопила сознание.

— Зачем... зачем ты тогда меня похищал?! Зачем мучил?! — закричала она, задыхаясь от слез и делая шаг к нему.

— Пошла вон, — сухо отрезал он, развернулся и пошел обратно в темноту, растворяясь в тумане.

Настя резко открыла глаза и села на постели, тяжело дыша. Ее лоб был покрыт холодной испариной, а хрупкое тело била крупная дрожь. Сердце бешено колотилось, готовое выпрыгнуть из груди. Оглядевшись вокруг в утреннем полумраке спальни, она поняла: это был всего лишь сон. Кошмар, который оказался страшнее самого похищения. Рядом тихо зашевелился Вячеслав. Он приоткрыл свои темные глаза, встревоженный ее резким пробуждением, и приподнялся на постели. На нем не было шипованного браслета, он выглядел домашним и спокойным, но в его взгляде мгновенно вспыхнула привычная, голодная забота. Настя больше не думала ни о планах, ни о проверках, ни о побеге. Осознание того, что в этом сне он отпустил ее и разлюбил, разрушило ее последнюю психологическую защиту. Стокгольмский синдром окончательно и бесповоротно подчинил ее разум. Она поняла, что безумно, до беспамятства влюбилась в своего мучителя. Она была одержима им так же сильно, как и он ею. С громким всхлипом Настя бросилась к нему на грудь. Она крепко, отчаянно обвила руками его шею, прижимаясь к его сильному телу всем своим стройным существом. Вячеслав от неожиданности замер, но тут же обхватил ее за талию. Настя не дала ему вставить ни слова — она впилась в его губы страстным, безумным поцелуем, отдавая всю себя, плача прямо в его губы.

— Настя... маленькая моя, что случилось? — хрипло спросил он, когда она на секунду оторвалась от него, покрывая поцелуями его гладко выбритое лицо, челюсть и шею.

— Обещай мне... обещай, что никогда меня не отпустишь! — захлебываясь слезами, умоляла она, преданно заглядывая в его потемневшие глаза своими огромными голубыми зрачками.

— Пожалуйста, если я снова сойду с ума и попытаюсь сбежать... лови меня! Возвращай! Вяжи меня наручниками, хватай за волосы, держи силой, делай со мной всё то же самое, что делал до этого во дворе! Угрожай мне, души... но только не разлюбливай меня. Что бы ты ни делал со мной теперь, слышишь? Что бы ты ни делал — я всегда буду тебя любить! Я люблю тебя, Слава... Люблю!

Вячеслав слушал ее признание, и на его лице отразилось дикое, абсолютное торжество, смешанное с безумной вспышкой страсти 18+. Его наркотик сам умолял об дозе. Он крепко сжал ее в своих руках, до хруста в ребрах, и завалил обратно на шелковые простыни, готовый снова выжигать свой ритм на ее покорном теле. Ловушка захлопнулась для обоих.

Вячеслав смотрел на нее сверху вниз, и в его темных глазах горел торжествующий, первобытный огонь. Слова Насти овеяли его сознание самым сильным хмелем. Его гладко выбритое лицо ожесточилось от новой волны желания, а пальцы с шипованным браслетом медленно, но ощутимо сжались на ее тонком запястье. Теперь наручники были не нужны — Настя сама держала свои руки поднятыми, полностью отдавая себя в его власть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.